

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-209-226

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н.С. Федоркин, докт. филос. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматриваются методологические проблемы трансформационных процессов в политической науке в конце XIX — начале XX столетий и в период между двумя мировыми войнами. Раскрываются причины и истоки зарождения кризисных явлений в политической науке, обусловленные новыми политическими реалиями, сложившимися в мире, и новыми тенденциями в развитии самой политической науки. Процесс становления современной политической науки анализируется в ее поэтапном развитии (формально-правовом, традиционном, поведенческом и пост-поведенческом). Раскрыта особая роль “чикагской революции” в политологии, создавшей среду и почву для возникновения “поведенческой” революции. Обозначены основные программные положения “поведенческой” революции, выявлены ее результаты, основные векторы развития политической науки в пост-поведенческую эпоху.

Раскрыта роль структурного функционализма (Г. Алмонд и его школа) в формировании современной политической науки. Рассматривается взаимодействие политической науки со смежными социальными дисциплинами, приведшее к появлению целого ряда гибридных дисциплин политического знания, в том числе политической социологии и политического менеджмента. Раскрыто содержание понятия “гибридизация”. Выявлена роль социологии в этом процессе как “главного донора” политической науки в рассматриваемую эпоху. Определены объектно-предметные области политической социологии и политического менеджмента, их место и роль в механизме функционирования социально-политических систем, в предметном поле политической науки. Сделаны обобщающие выводы.

Ключевые слова: политическая система, демократия, политическая наука, политическая жизнь, поведенческая революция, гибридизация, политическая социология, политический менеджмент.

* Федоркин Николай Семенович, e-mail: seneca-j@yandex.ru

POLITICAL SOCIOLOGY AND POLITICAL MANAGEMENT IN THE SUBJECT FIELD OF POLITICAL SCIENCE

Fedorkin Nikolay S., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: seneca-j@yandex.ru

The article deals with the methodological problems of transformation processes in political science in the late XIX-th-early XX centuries and in the period between the two world wars. The author reveals the causes and origins of the crisis phenomena in political science due to the new political realities in the world and new trends in the political science development. The process of modern political science formation is analyzed in its gradual development (formal-legal, traditional, behavioral and post-behavioral). The special role of the Chicago revolution in political science, which created the environment and the ground for the emergence of the “behavioral” revolution, is revealed. The main program provisions of the “behavioral” revolution are indicated, its results, the main vectors of political science development in the post-behavioral era are revealed.

The role of structural functionalism (G. Almond and his school) in the formation of modern political science is revealed. The article deals with the interaction of political science with related social disciplines, which led to the emergence of some hybrid disciplines of political knowledge, including political sociology and political management. The content of the hybridization concept is revealed. The role of sociology in this process as the “main donor” of political science in the considered era is revealed. Object-subject areas of political sociology and political management, their place and role in the mechanism of socio-political systems functioning in the subject field of political science are defined. Generalizing conclusions are made.

Key words: *political system, democracy, political science, political life, behavioral revolution, hybridization, political sociology, political management.*

Середина предшествующего века в развитии политической науки характеризовалась фундаментальным переосмыслением исторической эпохи между двумя мировыми войнами. Зримое отражение этого явления нашло, например, в концепциях кризиса и “заката западного мира”¹ в творчестве известных философов, культурологов, психологов, социологов О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса и других, которые рассматривали развитие общества в парадигме цикличности и круговорота. Для своего времени, особенно первой половины XX в., эти теории в определенном смысле отвечали умонастроениям послевоенной Европы, но после Второй мировой войны они объективно смещались к периферии сложившихся в мире новых политических реалий и новых тенденций в развитии самой политической науки.

В политических реалиях изменения были действительно глобальными. Они изменили политическую карту мира. Вместо 68 независимых государств, составлявших политическую карту мира в 1945 г., во

¹ См. подробнее, например: Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 9–11.

второй половине XX в. в процессе деколонизации возникнет еще около ста независимых государств, народы которых находились на разных уровнях исторического, социального, экономического, политического и культурного в широком смысле этого понятия развития. Мир объективно оказался расколот на два победоносных и одновременно враждебных мира с разными общественно-политическими системами. Стран “первого мира” — во главе с США, “второго мира” — Советского Союза и его союзников, и, как тогда называли, “третьего мира” — стран, освобождающихся от колониальной зависимости.

Сложившаяся политическая реальность требовала нового политического знания, способного не только преодолеть социальный пессимизм предшествующей эпохи, но и дать ответы на многочисленные и многоплановые вопросы практической перестройки мира. Возник реальный запрос на создание универсальных политических теорий, вызвавший своеобразный ренессанс политической науки, дальнейшую специализацию политического знания и появление его гибридных областей в качестве относительно самостоятельных учебно-научных дисциплин. Этот процесс, связанный во многом с так называемой “поведенческой революцией”, станет “главной трансформацией”, которую переживет политическая наука в середине XX столетия². В ходе ее развития сформируются нынешнее понятие политической науки, структура, проявятся ее реальные достижения и не вполне решенные проблемы³.

В контексте рассматриваемой проблемы следует подчеркнуть, что сложившиеся послевоенные политические реалии все-таки непосредственно не являлись источником трансформаций в политической науке. Они прослеживаются в более ранний период ее собственной истории, связанные с назревавшими в конце XIX в. кризисными явлениями в самой политической науке. Поэтому можно утверждать, что в послевоенный период новые тенденции в развитии политической науки вполне отвечали исторически сложившимся запросам, духу времени.

В чем суть этих новых тенденций в политической науке? Напомним, что в зарождающейся политической науке второй половины XIX в. среди политологов господствовало предположение “о практически полном соответствии между конституционными и правовыми уложениями, касающимися прав и привилегий носителей государственных должностей и их реальными политическими действиями”⁴.

² См.: *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 13.

³ См. подробнее: *Федоркин Н.С.* Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и Время. SUB SPECIE AETERNITATIS. 2013. № 3(13). С. 36–43.

⁴ *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 10.

Д. Истон выделял четыре этапа в становлении и развитии современной политической науки в границах конца XIX-го и практически всего XX века. Первый

Из этих представлений можно было делать вывод о том, что знание законов, норм и процедур, управляющих распределением власти в политических системах, является самодостаточным для понимания механизмов их функционирования и, соответственно, самого технологического процесса государственного управления. На этом этапе развития политология в основном ориентировалась на формально-правовой, институциональный подход в исследовании политических реалий. Однако как заметит Д. Истон, “к всеобщему удивлению” уже в конце XIX в. “обнаружилось, что помимо формальной структуры политических должностей и институтов существует многообразие форм неформального поведения и организаций, способных влиять на процесс принятия решений”⁵.

Открытый творчеством Вудро Вильсона, немного позднее творчеством Артура Бенгли и представителей “чикагской школы” политологии Ч. Мерриама, Г. Госнелла, Г. Лассвелла и других, этот “мир неформальной политической деятельности” для многих политологов той эпохи станет центром внимания и даже, в завышенных оценках, — “основным предметом изучения”⁶.

Этот мир неформальной политической деятельности исторически формировался постепенно вместе с укрепляющимися свои доминирующие позиции в мировом пространстве современными, т.е. буржуазными государствами. В историческом контексте начало ему положило изучение деятельности неформальных комитетов в составе законодательных ассамблей США и Великобритании, затем изучение политических партий, групп интересов, групп давления, групп внутри самой бюрократии, общественного мнения. Если не вдаваться в подробности, политический процесс на этом этапе, не всегда осознанно, воспринимался как гигантский механизм процесса принятия политических решений. Политическое решение представлялось следствием *взаимодействий, борьбы — давлений* различных формальных и неформальных социаль-

этап — *формальный* (правовой), условно с середины XIX-го в. до его конца; второй — *традиционный* (неформальный) или *добихевиоралистский* в его интерпретации — охватывает период с конца XIX до середины XX в. Третий — *бихевиоралистский этап* — условно 1950–1960-е годы; четвертый этап — *постбихевиоралистский* — “как реакция на проблемы, порожденные бихевиорализмом” — 70–90-е годы XX столетия. Отметим, что Д. Истон требовал различать понятия “*бихевиоризм*” и “*бихевиорализм*” как имеющие “мало общего между собой”. Их объединяет только понимание того, что “методология, основанная на естествознании, применима и к изучению человека” (С. 13). И хотя он рассматривает развитие и проблемы американской политологии, но эти процессы в политической науке в XX в. приобрели всеобщий, интернациональный характер (См. подробнее: Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 86–96).

⁵ Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 10.

⁶ Там же.

ных групп, осуществляемое инструментами переговорного процесса, влияний, согласований, компромиссов. Оно рождалось как производное борьбы параллелограмма политических сил, участвующих в этом процессе, достижением в ходе этой борьбы “точки равновесия” в расстановке политических сил “здесь и сейчас” по отношению к принимаемому политическому решению. Считалось, что это равновесие, достижение компромисса, “между разнонаправленными силами, воздействующими на лиц, принимающих решения”⁷ и порождает конкретную политику.

Такое восприятие политического процесса, обусловленное новыми явлениями в социальной, экономической, политической сферах (усложнение видов собственности, увеличение количественного состава правительств и их функций, появление новых политических структур и видов неформальной политической деятельности) направляло мысль политологов на переориентацию акцентов в изучении политики в практическую плоскость. В поле их зрения оказывались проблемы изучения не столько конституционных принципов формирования органов власти, сколько их эффективное использование в управлении государством, “как закон будет проводиться в жизнь научными методами”. Утверждалось понимание, что в новых условиях конституционные законы становилось “труднее заставить работать, <...> чем их разрабатывать”. Поэтому само время побуждало “к поиску скрытых причин, препятствующих натурализации науки государственного управления”⁸, а вместе с этим и многих других проблем политической науки, во многом менявшим представление о ее структуре, проблемном поле и гносеологических возможностях.

Однако на традиционном этапе становления современной политической науки, наметившиеся тенденции в ее развитии не являлись пока доминирующими. Исследования политических процессов оставались во многом описательными, методики сбора и анализа данных использовались крайне мало, методологически осуществлялись на базе юридических, философских и исторических дисциплин. Как заметит Д. Истон, может быть немного категорично, методы в этот период “считались чем-то настолько само собой разумеющимся, что даже не рассматривались как отдельная проблема”⁹.

⁷ Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 11.

⁸ Вильсон В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа. М., 2003. С. 25, 26, 31.

В относительно небольшой статье, похожей скорее на проспект будущего исследования, автор не только обосновал необходимость выделения государственного управления в отдельную отрасль науки об управлении, но и наметил ряд проблем, которые войдут в предметную область изучения сравнительной политологии, политической социологии и политической психологии.

⁹ Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 13.

Заметные изменения в изучении политики в широком смысле этого понятия с приставкой “научное” начинаются в 20–40-е гг. с “чикагской школы политической науки”, деятельность которой Г. Алмонд определял как “чикагскую революцию” в области политологии¹⁰.

В исследовании политических процессов ее основатели (Ч. Мерриам, Г. Госнелл, Г. Лассвелл и др.) стали применять передовые для своего времени стратегии междисциплинарных исследований с использованием эмпирических и количественных методов. Причем, такие исследования проводились ими позднее не только в США, но и в ряде европейских стран — в Англии, Бельгии, Германии, Франции. Значение этой школы в становлении современной политической науки состоит и в том, что ее деятельность расширяла спектр научных исследований по политической тематике. В поле зрения научных интересов и исследовательской практики ее основателей в этот период оказались проблемы электорального поведения граждан, изучение массовых коммуникативных процессов, средств массовой информации и связей с общественностью, социального управления и международных отношений. Тематика гражданского воспитания в США и в Европе, которую, как заметит Г. Алмонд, с полным правом можно было назвать предшественницей “современных исследований политической социализации и политической культуры”¹¹.

И, пожалуй, что не менее важно, новые тенденции в развитии политической науки, генерируемые этой школой, прочно входили в практику исследования политических процессов, создавали, хотя пока и узкую, академическую среду, воспитывали исследователей новой генерации, фактически способствовали становлению важнейшей отрасли политической науки — политической социологии. Своей деятельностью они объективно создавали среду и почву для возникновения так называемой “поведенческой революции”. То, что вошло в понятие “поведенческой революции”¹², достаточно широко освещено в отечественной политико-социологической литературе, в том числе и автором этой статьи¹³. Тем не менее, в контексте рассматриваемой проблемы обратим внимание

¹⁰ Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 86.

Отметим, что в своей деятельности представители этой школы имели уже своих талантливых предшественников, заложивших основы для развития политической социологии, антропологии и психологии. К ним уместно отнести О. Конта, А. Токвиля, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, Р. Михельса, Г. Моску, М. Острогорского, да и многих других, благодаря которым “исследование политических процессов приобрело собственный способ объяснения”.

¹¹ Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины. С. 86.

¹² Часто этот этап, как мы уже отмечали, в соответствии с периодизацией развития современной политической науки Д. Истона, называют бихевиоралистским этапом.

¹³ См., например: Федоркин Н.С. Специфика социологии международных отношений (СМО) в контексте дискуссий о предмете политической социологии //

на некоторые моменты этого крупного явления в истории современной политической науки, которому, явлению, сопутствовали сложившиеся объективные обстоятельства.

Перед странами-победительницами в послевоенное время объективно вставала проблема освоения стран “третьего мира”, сотрудничества с ним, оказания помощи и выбора пути развития. Для принятия стратегических политических решений требовались многосторонние знания об этом новом и многоликом мире. В этом смысле “поведенческая революция” отвечала запросам времени. Ее программа ориентировала на создание подлинно научной эмпирически ориентированной политической теории, способной “объяснять, понимать и, даже, насколько это возможно, предсказывать политическое поведение людей и функционирование политических институтов”¹⁴.

В отличие от своих предшественников, сторонники этого подхода ориентировались на применение более строгих методов сбора и анализа информации, ее отбор и интерпретацию “как это происходит в естественных науках”, например, в биологии или физике. Ставилась цель, ни много ни мало, открытия статистических либо динамических закономерностей развития политической жизни. Само понятие политической теории наполнялось конкретно историческим содержанием. Политическая теория мыслилась инструментом анализа реальных политических процессов разных уровней. Крупные разделы политической науки становились предметом исследования так называемых теорий среднего уровня. А глобалистская ориентация политической науки в этот период способствовала разработке общих, “всеобъемлющих” политических теорий, способных быть эффективным инструментом анализа механизмов формирования и функционирования социально-политических систем разных типов. Именно этим, одним из прагматических аспектов, исследователей привлекала структурно-функциональная модель политической системы, которая, как известно, в системе своего специфического понятийного аппарата выделяла *функции, социальные роли, структуры, политическую культуру*, позволявшие использование их в качестве оснований сравнительных исследований разных типов политических систем, их формальных и неформальных механизмов.

В совокупности это формировало теоретико-методологическую базу для сравнительных исследований “политических систем любого типа, будь они примитивными или передовыми, демократическими и не демократическими”¹⁵. Эту мысль ясно выразил, например, автор структурно-функциональной модели политической системы Г. Алмонд

Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений. М., 2017. С. 243–263.

¹⁴ *Истон Д.* Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее. С. 14.

¹⁵ *Мэр П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 312.

в обзоре деятельности комитета по сравнительной политологии, известного своими крупными исследованиями того периода. Стратегическую задачу этого комитета он видел в объединении ученых, изучающих разные страны, и убеждении их в принадлежности к “общей для них науке, занимающейся одними и теми же теоретическими проблемами, предоставляя им одну и ту же методологию исследования”¹⁶.

При этом, как мы уже отметили, методология структурного функционализма позволяла проводить анализ не только западных политических режимов, но и одновременно “менее формализованных сторон политических процессов” и в самих западных политических режимах, фокусировать внимание исследователей политической жизни на изучении политических партий, групп интересов, электорального поведения, общественного мнения, стимулировать развитие новых специализированных областей политической науки, создание ее унифицированного понятийного аппарата.

Внешняя респектабельность этой политической теории с ее междисциплинарным подходом объяснения механизма функционирования политических систем обратила на себя внимание официальных политических структур США, а затем и стран Западной Европы. Это нашло выражение в привлечении ее наиболее известных сторонников на государственную службу в качестве политических консультантов, либо к изучению на местах стран “третьего мира”. Ряд из них, ныне известных политологов и политических социологов, создавали свои труды на основе изучения отдельных стран и регионов “третьего мира”, выходя в своих исследованиях далеко за пределы только проблематики теорий модернизаций.

Словом, шел процесс расширения и углубления исследования проблематики политического знания по всем направлениям, ядром которого выступала центральная проблема — выявление условий, способствующих демократическому развитию общества вообще и обществ освободившихся от колониальной зависимости стран, в частности. Именно в годы поведенческой революции на всех ее этапах — бихевиоралистском и постбихевиоралистском (теории “рационального выбора” и “нового институционализма”), или, как еще говорят, поведенческом и постповеденческом этапах, — политическая наука «приобретает характер современной “профессии”»¹⁷ и современной политической науки, остро востребованной временем¹⁸.

¹⁶ Цит. по: Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 312.

¹⁷ Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 90.

¹⁸ Например, к концу 1970-х гг. только в США по проблемам изучения второго и третьего мира специализировались около 18 тысяч социологов, политологов, социальных психологов, экономистов. По информации Б.С. Старостина, структура 20 ведущих американских университетов в 1970-е гг. показывала, “что в среднем

Однако как известно, ее творцам и их оппонентам не удалось создать некую в позитивистском духе политическую науку в стандартах естественных наук, выявить закономерности политического поведения индивидов и социальных групп в их естественно-научной интерпретации. Дело в том, что по своей природе выводы политической науки все-таки остаются “в высшей степени вероятностными”¹⁹. Это связано с тем, что политические теории, в отличие от теорий естественных наук, в историческом измерении, вступая в противоречие с изменяющимися, иногда очень часто, социально-политическими процессами, быстрее утрачивают свое былое значение. В социальных науках теории не поддаются верификации потому, что сама действительность постоянно меняется. К примеру, далеко не все максимы, сформулированные в свое время Н. Макиавелли, могут быть значимы в изучении современного общества, потому что изучаемое им общество давно исчезло. Из более близкого к нам исторического времени можно привести пример в изменениях (развитии) теорий социальной и политической стратификации К. Маркса, М. Вебера, П. Сорокина, П. Бурдьё. Эти изменения от монокритериальной формы социальной и политической стратификации К. Маркса к многокритериальным ее формам у остальных социологов были обусловлены, прежде всего, реальными изменениями в социальной структуре обществ, в методологических подходах исследования, в заметных трансформациях социальных ролей групп в меняющейся общественно-политической жизни.

Это, конечно, не означает, что в исследуемую эпоху политическая наука не сделала крупных шагов в своем развитии. Аморфная и гетерогенная, не имеющая “строго определенного предмета исследования”, как оценят ее состояние в середине 1970-х гг.²⁰, например, Ф.И. Гринстайн и Н.У. Полсби, в конце XX в. она будет демонстрировать свою возросшую зрелость в качестве сложной самостоятельной научной дисциплины. В объяснении политической реальности, еще недавно с “манихейской бескомпромиссностью” противопоставляемом в борьбе различных школ и направлений, она встанет “на путь объединения различных методологических подходов”²¹. Для нее станут характерными тенденции фрагментации специализации и гибридизации политического знания. Фрагментация неизбежно порождает процесс специализации

каждый третий факультет был предназначен для подготовки кадров в данной области, а в некоторых крупных — каждый второй” (см.: *Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995. С. 11).*

¹⁹ Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 35–36.

²⁰ Цит. по: *Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 113.*

²¹ Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 37–38.

политического знания, сменяющийся “рекомбинацией специальностей в новые области-гибриды”²². Как явление и процесс, гибридизация это слияние не двух дисциплин, а “нескольких областей знания, выросших из разных дисциплин”, совмещение этих сегментов знания “в новых специализированных полях”²³.

Процесс плодотворного научного взаимодействия политической науки со смежными социальными дисциплинами приведет к появлению целого ряда гибридных дисциплин политического знания, таких, к примеру, как политическая социология, политическая психология, политическая антропология, политическая культура, политическая география, политический менеджмент и многие другие.

Структурные и качественные изменения в политической науке в конце XX в. были настолько значительными и масштабными, в том числе и в международном, страноведческом аспекте ее специализации и изучении, что они сводили на нет “старую классификацию социальных наук”²⁴.

Особую роль в этом процессе перекрестного “опыления политической науки” сыграет социология. В 1960-е гг. она станет “главным донором политической науки”²⁵. В смежные социальные дисциплины она экспортировала намного больше, чем заимствовала из них. В сравнении с другими “родительскими дисциплинами” гибридизации (политологии, психологии, экономики и др.) ее вклад в процесс специализации политического знания будет более содержательным. Он состоял не только в появлении политической социологии в качестве специализированной области политического знания, но и в разработке теории групп или группового подхода в политике, электоральных предпочтений, теорий политических систем, т.е. фактически формировалось проблемное поле политической социологии, ее структуры. Становилось очевидным, что гибридные специализации “второго поколения” в социальных науках также порождают все новые гибриды, выражая этим “сущностное явление истории науки”²⁶.

В русле рассматриваемой проблемы сосредоточим внимание на становлении политической социологии как одной из важнейших ги-

²² *Доган М.* Социология среди других социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 5.

²³ Там же. С. 12. См. также: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999. С. 116.

²⁴ В развитие этой идеи М. Доган даже считал необходимым «создать международное “Генеалогическое древо политической науки”», сложившееся к концу столетия. Сам он продемонстрировал эту проблему на основе специфики проблемных полей развития политической науки в таких странах, как Швеция, Норвегия, Финляндия, Индия, США (см.: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки. С. 117).

²⁵ *Доган М.* Социология среди других социальных наук. С. 6–7.

²⁶ Там же. С. 11.

бридных дисциплин политической науки. Как специализированная область политического знания, она представляет собой синтез “областей родительских дисциплин” политологии, социологии, психологии, экономики, теории социальных систем. Признавая при этом, что проблема определения предметных областей и структуры гибридных дисциплин политической науки в отечественном и зарубежном политическом знании продолжает пока оставаться темой незавершенных дискуссий, по крайней мере, имеющей в ее интерпретации многообразие точек зрения.

Тем не менее, можно, по-видимому, считать достаточно убедительной сложившуюся еще к началу 1960-х гг. концепцию политической социологии американского политического социолога М. Липсета, которая в обобщенном виде представлена в его известной работе “Политический человек: социальные основания политики”, недавно переизданной в нашей стране. Ее концептуальные принципы фактически упреждали, на наш взгляд, те выводы, к которым к концу века в острой борьбе школ и направлений придет политическая наука.

Содержание этой концепции можно свести к нескольким системообразующим, по существу, методологическим принципам ее построения.

Во-первых, по его мнению, социолог не может представить себе исследование общества, “которое бы не включало политическую систему в качестве существенной части этого анализа”, поскольку изучение политических процессов в реалиях предстает частными случаями “более общих социологических и психологических взаимоотношений и зависимостей”²⁷.

Во-вторых, поэтому и при изучении человека в обществе нельзя разделять на фрагменты и раскладывать “по разным полочкам согласно независимым понятиям и сферам заинтересованности”²⁸. Подтверждение этого он находит в изучении политического поведения политической социологией, политической психологией и политической антропологией. Использование ими общих для них концептов, методов, практик этих областей знания при изучении политического поведения граждан скорее демонстрирует, по его мнению, “основополагающее единство всех общественных наук”, чем центробежные тенденции в развитии политической науки.

В-третьих, одним из “основных предметов интереса политической социологии” М. Липсет выделял “анализ социальных условий, способствующих демократии”, в чем, собственно, видел “свой вклад в понимание демократических политических систем”²⁹.

²⁷ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. М., 2016. С. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 23, 24.

Содержание этого положения фактически раскрывает концептуальное представление автора о структуре политической социологии как специализированной области знания, ее предметной области и отличиях как от политологии, так и от других специализированных областей политической науки. В ее структуру он включал исследование целого ряда проблем этой отрасли политической науки: демократии как “формы общественной системы”, проблем легитимности политической власти, факторы стабильности политических систем, политического представительства и электорального поведения, политического участия, изучение политических партий, общественных движений, политических элит, бюрократии, политических конфликтов и кризисов, революций и контрреволюций. Он видел много и других ясно выраженных тем политической социологии, “которые нуждаются в дальнейшей углубленной проработке и изучении”³⁰.

Но и без учета этого замечания в его концепции предметная область политической социологии, по нашему мнению, просматривается достаточно ясно. В интеллектуальном контексте ее теоретический фундамент, по его мнению, “в большей или меньшей степени” образуют переосмысленные идеи “четырех великих европейцев”: Маркса, Токвиля, Вебера и Михельса³¹. Он полагал, что выступавший дискуссионной проблемой вопрос для живших в XIX в. “отцов политической социологии” о доминировании *общества* или *государства* в их взаимодействии с точки зрения современной ему социологии полностью себя исчерпал, но “лежащая в его основе проблема достижения надлежащего баланса между конфликтом и консенсусом” осталась³².

Более того, эта проблема виделась ему одной из системообразующих тем политической социологии, формирующей должный для “стабильной демократии” механизм функционирования социально-политической системы, создания и поддержания в ней консенсуса, необходимого для демократического общества. Стабильная демократия, в его понимании, должна осознанно “манифестировать конфликт или раскол таким образом”, чтобы в политическом процессе могла разворачиваться равноправная борьба политических сил. Чтобы кто-то мог бросать вызов партиям, стоящим у власти и ставить “под сомнение правомерность их пребывания там”, чтобы этот процесс при этом имел реальные возможности для оппозиционных сил в границах конвенциональных правил

³⁰ Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 45.

³¹ См.: Там же. С. 26.

Из современников социолога, оказавших на “стимулирование” его научных интересов в области “социологии политической жизни”, он называет таких звезд политической и социологической науки как Пауль Лазарсфельд, Роберт Мертон, Роберт Даль, Дэвид Трумэн, Герберт Хаймен и др.

³² Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 25–26.

политической игры, *мирными способами*, осуществлять смену правящих партий. Без признания властью законных прав оппозиции и отношения ее к ним как к своим собственным правам — “не может быть никакой демократии”³³. Поэтому исследование условий, способствующих демократии и поощряющих ее укрепление факторов, должно предполагать изучение не только системных источников конфликта, но и в равной степени источников консенсуса. Это и есть “особая сфера социологии политической жизни”³⁴, выступающая, можно сказать, объектом исследования политической социологии.

В отличие от политологии, концентрирующей свое внимание на исследовании институциональных аспектов политики как относительно самостоятельной части политической реальности, политическая социология делает акцент на изучении отношений и взаимозависимостей между социальными и политическими институтами, между социальным строем и политическими институтами³⁵. Под определенным углом зрения она исследует социальные механизмы *влияния* общества на государство. Ее внимание сосредоточено на изучении поведенческих аспектов политики, где социальные и политические институты выступают для нее инструментами социального действия. В этом смысле демократическая социально-политическая система рассматривается им как сложный системный “социальный механизм, который позволяет наибольшей возможной части населения *влиять* на основные решения, благодаря возможности делать выбор между соперниками, претендующими на занятие политических постов”³⁶.

Предметное поле политической социологии в его концепции представлялось, таким образом, как системное исследование социальных механизмов *власти и влияния* в обществе на разных этапах его развития и в разных фазах функционирования социально-политической системы.

Как уже отмечалось ранее, в демократических социально-политических системах властные отношения реализуются как в формальных, так и в неформальных, *неофициальных* формах. В официально правовой форме их реализация регламентируется правовыми нормами и процедурами, выражающими этим их всеобщность, публичность, легитимность, следовательно, и легитимную возможность власти применять всю мощь государственных ресурсов для достижения целеполагания, т.е. выразить волю государства.

Отношения *влияния* в основном реализуются в *неофициальных формах*, “мире неформальной политической деятельности”, — влиянием индивидов, социальных групп, неформальных социальных институтов

³³ См.: Там же. С. 25, 51–52 и др.

³⁴ Там же. С. 26.

³⁵ См.: *Липсет С.М.* Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 204.

³⁶ *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 51.

на должностных лиц и политические институты посредством *общественного мнения*, совокупностью специфических инструментов, приемов и способов, относимых к понятию “*политические технологии*”. Оба вида политических отношений могут осуществляться как в формальных, так и в неформальных формах, хотя условия такого диалога, коммуникации власти и общества, в конечном счете, определяют власти. При этом эти виды политических отношений различаются природой своего происхождения и поддержки, логикой их внутреннего развития и функционирования³⁷.

В механизме функционирования властных отношений область *неформальной* политической деятельности значительна. В публичном пространстве современных демократий, в зависимости от уровня их развития, “качества” демократии, она фактически создает параллельный вектор в механизме функционирования социально-политических систем. Он включает, к примеру, неформальную составляющую избирательного процесса органов представительной, законодательной и глав исполнительной власти разных уровней, деятельность групп интересов, лоббистскую деятельность, урегулирование внутрисистемных политических конфликтов (организация, технологии и процедуры переговорного процесса), в целом информационно-аналитическое сопровождение структурами гражданского общества процесса принятия политических решений, в том числе и реализации государственной политики.

На рубеже веков эта область публичных форм политических коммуникаций значительно расширяет свои возможности. Социальные сети и новые коммуникативные политические технологии создают предпосылки качественного видоизменения отношений *власти и влияния*, по крайней мере, в возможности. Позволяют гражданам участвовать (влиять) в формировании повестки дня, оперативно выражать свои требования к институтам управления, а последним — быть более прозрачными и ответственными за результаты и последствия своей деятельности³⁸.

Специфика политических отношений *влияния* состоит в том, что их субъекты в диалоге с государством в достижении поставленных целей лишены возможности использовать статусные, “легитимные” ресурсы³⁹. Свои проблемы они решают средствами и методами *политического менеджмента* как особого вида политико-управленческих отношений. Для этого осуществляется целая система организационных, исследовательских, технологических, неформально управленческих и

³⁷ См.: Амелин В.Н. Социология политики. М., 1992. С. 13–15.

³⁸ См.: Абуцакра Р., Хури М. Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире. М., 2016. С. 14, 97–102.

³⁹ См.: Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. М., 2002. С. 16, 21; Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. М., 2012. С. 43–47.

иных мероприятий и действий, реализуемых в форме *политических кампаний*, различного рода гражданских инициатив, способных системной стратегически скоординированных акций изменять политическое поведение граждан (общественности) в интересах субъекта управления *политической кампанией*, превращать эту силу влияния активной общественности в механизм встраивания “представительства гражданских интересов в процесс формирования государственной политики”⁴⁰.

Конечно, проблема формирования и реализации государственной политики и, следовательно, технологического процесса механизма функционирования социально-политических систем, — явление противоречивое, обусловленное множеством факторов, характерных не только для различных типов форм правления и государственного устройства, но и для каждой социально-политической системы в отдельности⁴¹.

Таким образом, относительно исследуемой проблемы можно сделать некоторые обобщающие выводы. Во-первых, очевидно, что “сфера политической жизни” социально-политической системы является общим объектом исследования политической социологии и политического менеджмента, как и других гибридных социальных дисциплин с приставкой “политическая”.

Во-вторых, причастный ко второму поколению гибридных дисциплин, политический менеджмент формирует свое предметное “специализированное поле” совмещением нескольких областей знания, выросших из разных дисциплин социальных наук. Собственно “родительскими” дисциплинами этого гибрида выступают, прежде всего, государственный менеджмент (государственное управление) и социология (скорее, политическая социология), подтверждающая свою особую роль в качестве главного донора политической науки в рассматриваемую эпоху.

В новое гибридное образование государственный менеджмент “экспортировал” ту область знаний управленческих отношений, называемую “*управлением политическими кампаниями*”, субъект которых «не может опереться на право “легитимного насилия” и на свои статусные ресурсы для достижения поставленных целей»⁴².

⁴⁰ Государственная политика: Уч. пособ. / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2012. С. 64.

⁴¹ По основанию сочетания *политических* и *административных* методов выделяют, например, три основные модели формирования государственной политики. Модель *односторонней коммуникации*, основанной на доминирующей роли государства в формах публичного общения с общественностью, “вплоть до установления тиранического режима”. *Конструктивно-совещательную* модель, отражающую “постоянство коммуникаций власти и общества, наличие разнообразных форм соуправления”, и *сингулярную модель*, демонстрирующую “спорадический характер поддержания публичных контактов государства с гражданами” (см.: Государственная политика: Уч. пособ. С. 63).

⁴² См.: *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент. С. 16.

Политическая социология фактически вводит политический менеджмент в предметное поле “мира неформальной политической деятельности” в социально-политических системах, являющегося частью предметной области политической социологии и фактически главным предметом исследования политического менеджмента. Уместно, в этой связи, еще раз вспомнить мнение Д. Истона, который еще на этапе зарождения этого мира отводил ему, по нашему мнению, несколько завышенное, место основного предмета изучения новой политологии, политической науки.

В-третьих, теоретико-методологические основы политического менеджмента не ограничиваются только составляющими областей знания “родительских” дисциплин гибридизации. Мир исследования политического менеджмента — междисциплинарный. Специфика его предметной области и характер решаемых им задач предполагают широкое использование знаний других смежных социальных дисциплин — политологии и политической психологии, политической антропологии, теорий политических систем, политической культуры. Общих для них при изучении *политического поведения* индивидов и социальных групп концептов, методов и практик, являя собой, тем самым, свидетельство “основополагающего единства всех общественных наук”⁴³.

Как особый вид политико-управленческих отношений, политический менеджмент во многом представляет собой дисциплину прикладной политической науки, по определению требующей от субъектов управления политическими кампаниями глубоких теоретических, методологических и прикладных знаний, прежде всего, тех социальных наук и их специализированных областей, которые имеют непосредственное отношение к политическому поведению индивидов. Это политология, политическая социология, политическая психология и государственный менеджмент.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абучакра Р., Хури М. Эффективное правительство для нового века: реформирование государственного управления в современном мире. М., 2016.

Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Амелин В.Н. Социология политики. М., 1992.

Вильсон В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003.

Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями. М., 2012.

Государственная политика: Уч. пособ. / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2012.

Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

⁴³ *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. С. 13.

Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10.

Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.

Липсет М. Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Расширенное издание. М., 2016.

Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.

Пушкарева Г.В. Политический менеджмент: Уч. пособ. М., 2002.

Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995.

Федоркин Н.С. Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем // Пространство и Время. 2013. № 3(13).

Федоркин Н.С. Специфика социологии международных отношений (СМО) в контексте дискуссий о предмете политической социологии // Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2017.

REFERENCES

Abuchakra R., Huri M. Effektivnoe pravitel'stvo dlya novogo veka: reformirovanie gosudarstvennogo upravleniya v sovremennom mire [Effective government for the new century: public administration reforming in the modern world]. М., 2016 (in Russian).

Almond G.A. Politicheskaya nauka: istoriya discipliny [Political science: history of discipline] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna. М., 1999 (in Russian).

Amelin V.N. Sociologiya politiki [Sociology of politics]. М., 1992 (in Russian).

Dogan M. Politicheskaya nauka i drugie social'nye nauki [Political science and other social sciences] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna. М., 1999 (in Russian).

Dogan M. Sociologiya sredi social'nyh nauk [Sociology among social sciences] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2010. N 10 (in Russian).

Fedorkin N.S. Metodologicheskij potencial sravnitel'nyh issledovanij politicheskikh sistem [Methodological potential of political systems' comparative research] // Prostranstvo i Vremya [Space and Time]. 2013. N 3(13) (in Russian).

Fedorkin N.S. Specifika sociologii mezhdunarodnyh otnoshenij (SMO) v kontekste diskussij o predmete politicheskoy sociologii [Particularity of sociology of international relations (SMO) in the context of discussions on the subject of political sociology] // Gibrizaciya mirovoj i vneshnej politiki v svete sociologii mezhdunarodnyh otnoshenij [Hybridization of world and foreign policy in the light of sociology of international relations] / Pod red. P.A. Cygankova. М., 2017 (in Russian).

Gosudarstvennaya politika: Uchebnoe posobie [State policy: Textbook] // Pod red. A.I. Solov'eva. М., 2012 (in Russian).

Gudin R., Klingemann H.-D. Politicheskaya nauka kak disciplina [Political science as a discipline] // Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political science: new directions] / Pod red. R.Gudina, H.-D. Klingemanna. М., 1999 (in Russian).

Iston D. Politicheskaya nauka v Soedinennyh Shtatah: proshloe i nastoyashchee [Political science in the United States: past and present] // *Sovremennaya sravnitel'naya politologiya. Hrestomatiya* [Modern comparative politics. Chrestomathy]. M., 1997 (in Russian).

Lipset M. Politicheskaya sociologiya [Political sociology] // *Amerikanskaya sociologiya. Perspektivy, problemy, metody* [American sociology. Prospects, problems, methods]. M., 1972 (in Russian).

Lipset M. Politicheskij chelovek: social'nye osnovaniya politiki. Rasshirennoe izdanie [Political man: the social bases of politics. Extended edition]. M., 2016 (in Russian).

Mer P. Sravnitel'naya politologiya: obshchie problemy [Comparative political science: general problems] // *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political science: new directions] / Pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna. M., 1999 (in Russian).

Pushkareva G.V. Politicheskij menedzhment: Uchebnoe posobie [Political management: Textbook]. M., 2002 (in Russian).

Starostin B.S. Problema modernizacii: istoriya i sovremennost' [The problem of modernization: history and modernity] // *Modernizaciya i nacional'naya kul'tura. Materialy teoreticheskogo seminar* [Modernization and national culture. Materials of the theoretical seminar]. M., 1995 (in Russian).

Vil'son V. Nauka gosudarstvennogo upravleniya [Public administration science] // *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola* [Classics of public administration theory: American school] / Pod red. Dzh.S hafritca, A. Hajda. M., 2003 (in Russian).

Volodenkov S.V. Upravlenie sovremennymi politicheskimi kampaniyami [Management of modern political campaigns]. M., 2012 (in Russian).